
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Жизнь обретенного смысла. Виктор Лавров. Стихи, проза, заметки. — СПб., 2019. — 278 с.

Книга памяти, посвященная Виктору Васильевичу Лаврову (1952–2018) — искусствоведу, литератору, поэту, исследователю петербургской старины. В воспоминаниях художников, журналистов, друзей и коллег предстает харизматический человек, создатель, обладавший уникальным талантом притягивать к себе ярких творческих людей и заряжать их энергией действия. Стремительный, ироничный, трогательный и глубокий, любящий жизнь, искусство, друзей. Он заслужил добрую память о себе. В его наследии — книга о петербургских художниках «Негромко вслух», двухтомник по истории города «Петербург по старому стилю» (в соавторстве с И. Холмовой), многочисленные статьи, сценарии к телевизионным программам по истории Петербурга. Он навсегда вписан в историю художественной жизни Петербурга хотя бы потому, что в смутные времена конца XX века возглавил уникальную художественную галерею при редакции журнала «Нева» на Невском, 3. «Невограф» просуществовал с 1997-го по 2003 год, пока помещение редакции не закрылось на ремонт. За это время было проведено более ста персональных, групповых и тематических выставок с участием 250 российских и зарубежных художников. Открытый новым веяниям времени, новым художественным поискам и именам, В. Лавров давал возможность художникам представить свои работы публике в различных форматах. Выставки регулярно освещались в журнале

«Нева», где В. Лавров вел свою рубрику. В динамично меняющемся сложном мире рубежа двух веков «Невограф» стал одним из светлых и романтических уголков в Петербурге. Подробный отчет о работе «Невографа» представлен в книге. После закрытия выставочного зала В. Лавров, подвижник порубежного времени, стал организатором фестивалей поэтического, музыкального и живописного творчества для Ленинградской области. Основное содержание книги — тексты самого В. Лаврова, уже публиковавшиеся и ранее не изданные. Среди них журнальные статьи. Одна из них, «Американский петергофец, или Петергофская Америка в Петербурге» была навеяна учрежденным ЮНЕСКО Днем памяти памятников, В. Лавров взглянул на эту память изнутри, из Петербурга. С любовью, со знанием дела он пишет о роли уличных памятников в формировании художественного облика бывшей российской столицы. О тех, что пользуются мировой известностью: памятники Петру I работы Фальконе и Растрелли. Об уличных монументах блестящих российских ваятелей, достигших поразительного гармоничного слияния памятников со сложившейся уже до них городской архитектурой. Отмечает обособленные, как бы стоящие сами по себе какие-то уютные, укромные и интимные памятники. Не обходит вниманием уродливые. О памятниках советского периода говорить не считает нужным, все они, по его мнению, ущербные, ушибленные идеологической пропагандой. Кроме одного — памятника Ломоносову на Менделеевской линии Васильевского острова. И может быть, один из немногих критиков, резко отзываясь о работах М. Шемякина: Петр I в Петропавловской крепости, сфинксы на невской набережной, памятник первостроителям Петербурга около Сампсониевского собора на Выборгской стороне. Убедительно доказывает историческую и художественную несостоятельность, порочность трудов Шемякина. По мнению Лаврова, Шемякин, американский петергофец (Петергофом названо американское жилище Шемякина), выступает как разрушитель. Острополемическая статья была опубликована в журнале «Нева» (1996, № 8). Тончайший искусствоведческий анализ проведен В. Лавровым в статье «Линейка света». Исходя из того, что природой всего сущего является энергия Бога и мир, созданный божьей энергией, — это творение света и светом, автор размышляет о том, кто из художников прошлого имел дар передать божественный свет, а кто из них — просто подельщик. Имена, картины, воплощение идей. Немеркнувший свет в творениях Леонардо и Рафаэля, светоносный Рембрандт, певец света Коро, разглядевший *горний* свет Ван Гог. Талантливейший Ге, лишь в двух картинах сумевший передать свет Божий. Свет в картинах В. Серова, П. Филонова, К. Малевича, К. Юона. Алхимик живописи Куинджи, чародей, но и фокусник, владевший суммой технических приемов, позволявшей создать иллюзию света. Лукавый живописец темноты и живописный фарисей И. Репин, в чьих картинах нет проблеска света. Суждения неожиданные, поражающие. Теплом и любовью пронизана повесть «Семейный мемурандум», где главной героиней является уроженка брянской деревни, бабушка автора, на долю которой выпали и голод 30-х годов, и немецкая оккупация. Быт брянской деревни с конца XIX века, люди, характеры, судьбы. Историческая память у исконно русских людей, считает автор, в словах, и проводит исследование этимологии местных фразеологизмов: «охтимненюшки» «неруш» увалился, трушком — рысцой. О масштабе личности В. Лаврова представление лучше всего могут дать его стихи, практически не публиковавшиеся. Стихи философские, религиозные, лирические. «Спасе детушек / Вы своих детей, мамы, / Мимо церкви не водите, / Изнутри вы церковь нашу / Видеть соблаговолите; / Вам откроется над главкой / Красота Христова храма, / Мимо церкви Православной / Вы с детьми не идите, мамы. / Нива всхожая / Даст нам хлебушек, / Церковь Божия / Спасе детушек». Сквозные темы поэзии: время, Бог, жизнь, смерть. Как подведение итогов жизни стихотворение 2017 года «Такое вот кино»: «Жизнь про-

шла каким-то призраком, / Лунным светом след посеребря, — / Будто посмотрел по телевизору / Кинофильм про самого себя. /...Да к тому же не цветной, а черно-белый, / Будто в темноте прозрел слепец.../ Промелькнул, как призрак луннобледный, / С надписью последнею: „конец“.../ Лента отправляется на полку, / Пусть там пролежит до страшного суда... / Телевизор выключен, поскольку, / На экране жизни — темнота».

Людмила Максимова. С любовью, мама: Проза. СПб.: Радуга, 2020. — 272 с.

Истории Людмилы Максимовой вполне житейские: судьбы наших современников, их радости и невзгоды, любовь, дружба, занимательные случаи. Действие может происходить в деревне, в городках Молдавии, в российских мегаполисах. Во всех этих обычных, казалось бы, текстах есть удивительная особенность — обширное временное пространство. Яркими деталями, штрихами, картинками автор умеет воссоздавать время, смешивать в единое целое настоящее и прошедшее, советское прошедшее. Вот забавные истории о добряке и балагуре Ваське, что рос неулыбчивым дичком, не желающим разговаривать. Малыша отправили к бабушке в деревню на Псковщине. А в это время «цинковые гробы шли из Афганистана на Псковщину десятками. Да и не всем свезло в последний раз взглянуть на сыночков и схоронить их в родной земле». Отец Васьки вернулся. «Приехал он в звании капитана с почерневшим лицом и седыми волосами. В свои-то неполные тридцать лет. Накрыли во дворе для всех желающих, как водится, стол... Выпили за помин погибших, потом за здоровье живущих. Сидим, молчим. Только слышно жужжание мух. И вдруг — страшный удар в днище стола. Аж посуда запрыгала, рюмки наземь повалились. И в полной тишине — голос, мужицкий, никому не знакомый». Это засевший под столом Васька ударился головой, в миллиметре от которой торчал ржавый гвоздь, о доску и заговорил, «выражаясь культурно с обильным использованием ненормативной лексики. Так в деревне все говорили. Ругательством это не считалось». Рассказ, где немало вписанных в бытовой исторический контекст историй о том, как ангел-хранитель в последний момент уводил Ваську от гибели, заканчивается колоритной финальной сценой. В Тунисе туриста Ваську преследует африканец, и русские друзья «решили Василия в одиночестве не оставлять и для верности вооружиться». Ларчик открылся просто. Когда-то в Иркутске Васька помог двум студентам Московского университета дружбы народов, отставшим (зимой) от экскурсии. Африканец помнил русское дружелюбие. И на посиделках с русской «Путинкой» и тунисской водкой «Буха» «до самой ночи над плоскими крышами Хаммамета разносилось не слишком стройное, но могучее разноголосье: „По ди-иким стейям Забайка-а-ля, где зо-о-лото ро-о-т в горах...“» («Васька»). Еще гуще намешаны бытовые временные пласты в рассказе о любовном треугольнике («Соседи»). Тут и дочь бывшей владелицы квартиры графини Игнатовой, осевшая в бывшей гостиной. Классовой ненависти к вселившимся не высказывала, зато сумела припрятать спасенные от экспроприации ценные вещи. Последнее очень пригодилось ее сыну в перестройку. Он объявил себя поэтом, издал на свои деньги два сборника (из экономии — мизерными тиражами). Отсутствие читателей его не смущало. Правда, его стихи (образчик — «Люблю тебя, поэт мой Брюсов, / Люблю твой строгий, стройный вид») почему-то приводили в бешенство его соседку, внучку когда-то известного в России профессора русской литературы. Еще один пример соединения времен рассказ «Нежадва». Нежадва, от слова «нежадный», — название деревни, где до перестройки двери на замки не запирали, сытно жили, детей в техникумы да институты отправляли, и многие возвращались. Местный патриарх дед Матвей наставлял потомков: «Не воруй! От воровства государства гибнут». А его правнук тащил все и до перестройки, и после. А «в перестройку не-

жадовские мужики, до того щепки без спросу не бравшие, тоже тащить начали. Стыдась и таясь. Поначалу. К новой жизни приспособливаясь». Контрастные картинки — времена и нравы, и снова неожиданный финал: известный любитель чужого Витька для могилы деда выписал официально за свои деньги арматуру, хотя в сараюшку было натаскано все, что надо. И даже использование казенного сварочного аппарата для своих собственных нужд пожелал оплатить. «Через неделю стоял он у могилы деда Матвея: „Ну вот тебе, дед, оградка. Ни болта не украл. — Постоял еще, подумал и добавил: — Глядишь, и не погибнет оно. Государство-то“». В рассказах Л. Максимовой есть и юмор, и скрытая ирония, и лиризм, и сочувствие к своим героям, и даже рецепты выживания для тех, чья судьба в новое время не задалась. В Петербург на встречу однокурсников приезжает Лиза, пережившая немало драм. Когда-то в молодости высокомерная гордячка, она найдет поддержку у бывших однокурсников. Так же как и героиня рассказа «Надоба» Рита, придавленная нищетой и стесненная болью невозвратимых потерь, приехав в молдавский городок на встречу выпускников русской средней школы, найдет помощь и поддержку. Впрочем, далеко не все ее захотят оказывать. И снова время: превращения, которые произошли с бывшими одноклассниками, однокурсниками, разбросанными по всему свету (Израиль, Европа, США постсоветские республики). Бывший борец за свободу, барышня, которая вместе с сыновьями-подростками выкрикивала: «Русские, чемодан — вокзал — Россия», уезжает ухаживать за старушкой в итальянскую деревню, а ее дети рады черной работе на стройках Москвы и Санкт-Петербурга. Секретарь комсомольской организации, фанатично преданная идеалам коммунизма, стала богомольной старушкой. Украинка, поляк и молдаванка слушают проповеди католического священника, посещают православные службы, а по праздникам, крепко выпив молдавского вина и закусив украинским борщом с русскими расстегаями, яростно дискутируют. Ритм времен присутствует и в повести «С любовью, мама». Молдавский городок, идиллическое украинское село Катериновка, находящееся по непонятной причине на молдавской территории, Ленинград. И мир сначала маленькой, некрасивой девочки, потом красивой девушки, потом молодой женщины, совершившей немало ошибок на своем пути. Л. Максимова не судит времена, не дает им оценок, но бережно их реставрирует, они — естественная среда обитания ее героев.

**Олег Трушин. Звуки тишины. Рассказы и очерки о природе /
Художник И. Маковеева. — М.: ИКАР, 2019. — 200 с.: ил.**

А разве у тишины могут быть звуки? Оказывается, могут. Можно услышать рождение первой листвы, когда молодой лист, пробиваясь сквозь плотное «зерно» почки, спеша на волю, заявляет о себе тихим шорохом. «А лист-то на дереве не один! Вот и слышатся хорошо тихими вечерами легкие шорохи — сотни, тысячи листочков о своем рождении миру сообщают. Развернется лист, стихнут шорохи. Пропустил день-другой и не узнаешь тайны рождения листа». Весной легким шорохом, прорываясь сквозь пожухлую прошлогоднюю некое, дает о себе знать молодая трава. А когда небесный простор покидают стрижи и ласточки и он умиротворенно спокоен, слышно, как ложится наземь опадающая листва. Срывается с крон березовой рощи золотой дождь — звучит мелодия листопадного вальса. Похрустывает снежок в морозной тишине. Тишина на самом деле состоит из звуков, возникающих порой совсем неожиданно, считает писатель-натуралист Олег Трушин. Впервые с таинством звуков он соприкоснулся в детстве, затаившись ночью на печной лежанке в дедовском доме. Первые звуки тишины: покряхтывание стен, дающих осадку в рубленых углах, неожиданный писк половицы, грохот в чулане. В детстве же его охватила страсть к лесным походам, и он

окунулся в окружающую его сказку-быль Мещерского края, окруженного болотами, озерами и непролазными лесными дебрями по суходолам. Для кого-то места неказистые, но живописные для пристального взгляда, говорливые и напевные для чуткого слуха того, кто умеет слушать лес. Богата палитра красок мещерской природы в разные времена года. Особенно осенью, которая «каждое дерево и каждую былинку-травинку по-особому раскрашивает, словно напоказ выставляет. Первым в осеннем лесу осиновый лист перемену чувствует. Осины в пору осеннего листопада самые приметные в лесу. Принарядились так, что и взгляд трудно оторвать. Где крона малиновая, а где осинки с березами спорят — чистое золото на себя набросили. Есть и такие, что словно зорьку на себя примерили — яркий багрянец до самой маковки. На рябинах ожерелье из рубиновых ягодных кистей тянет вниз ветви, словно осени кланяются стройные деревца. Да и листва на рябинах вся в разноцветных тонах — чем моложе деревце, тем ярче на нем в цвете лист... Вон и вечнозеленые сосны с елками в особой красе... Те, что выросли в обнимку с березами-осинами, разноцветной листвой обсыпаны. Мох, что прижился на стволах и ветвях, где посветлел, а где, наоборот, „насупился“, забурел, нагнав мрачность. В борах будто бы самотканые дорожки раскинулись из мха молочно-го, красного, оливкового цветов, а где и вовсе таких красок, что словами не передать». И только «весной хвоя на елях и соснах такая нежно-зеленая. Только весной можно увидеть рождение первой зелени, увидеть прозрачно-голубую дымку, которая окутывает еще не одевшиеся в молодую листву стройные березы». Сезонная жизнь Мещерского края в поэтичных и красочных картинах О. Трушина. Лесные походы подарили ему много неожиданных встреч и впечатлений. Хлопотливая белка, собирающая сухой мох для утепления своего жилища. Россомаха, что лакомится остатками ухи из оставленного на улице котелка. Дятел, залезший в муравейник за муравьиными яйцами да схваченный за хвост наблюдателем. Ондатра, что набросилась на «нахала», заградившего ногой ей путь, и пришлось обидчику уносить ноги от «мягкого мехового мячика» с острыми зубами. Забавных, занимательных историй немало. А многие ли знают, как устроена в лесу зимняя ежовая спаленка? Или как проходит беличья свадьба? С дробовиком в руках, в сопровождении любимого спаниеля ходил писатель и рябчиков мантий, и на дальние глухаринные токовища, и на вальдшнепиные высыпки. И все-таки он не охотник, а тонкий наблюдатель мира дикой природы и — еще важнее — ее «оберегатель», способный оплакивать сосну-исполину, проросшую из семечка в 1627 году. 380 лет спустя ее спилили, «сила убивает красоту», — горько заключает автор. Он не прогонит зайца-беляка из найденного зверьком укрытия — поленицы дров во дворе, ведь сбросивший серую шубку заяц в бесснежную осень заметен всем врагам. С началом крепких морозов предзимья организует столовую для пернатых, подбирая им лакомства по вкусу: синицам — несоленое сало на сучке, снегирям — чечевичное семя, воробьям — крошки ржаного хлеба, свиристам — мороженую рябину. Устраивает заячьи солонцы: расщепленный обрубок осинового ствола, сверху которого — соляной валик. С 1976 года и по сей день О. Трушин ведет дневники своих лесных походов, многие из записей составляют основу очерков. В отечественной словесности скоплено богатое сокровище мастерских рассказов, очерков и колоритных этюдов о русской природе: Аксаков, Тургенев, Пришвин, Паустовский. Сегодня таких мастеров мало. Работая в классической традиции, обладая собственным стилем и манерой повествования, автор достойно продолжает классическую тему природы в русской литературе, открывая читателю прекрасный и удивительный, знакомый и незнакомый мир русской природы. Иллюстрировала книгу И. Маковеева, один из ведущих художников-анималистов России.

Юрий Влодов. Портреты. Книга стихов. М.: Издательство Евгения Степанова, 2019. — 88 с.

Король поэтического андеграунда 60–70-х годов прошлого столетия Юрий Влодов (1932–2009) — легендарная, почти мистическая фигура. Первые публикации его стихов появились в 1950-х годах, во времена, когда любовь к поэзии была повсеместной. Был замечен. Советские классики — Б. Пастернак, И. Сельвинский, К. Чуковский — прочили ему большое поэтическое будущее. По словам Б. Пастернака, каждое стихотворение тогда еще начинающего поэта «есть кирпич, заложенный в основание современной русскоязычной поэзии». Друзья называли Ю. Влодова «советским Вийоном». Но литературная карьера не сложилась, в так называемый «литературный процесс» Влодов не вписался. Слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. Ставшие крылатыми его строчки «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!» и «Под нашим красным знаменем гореть нам синим пламенем!», выступления с запрещенными стихами перед большими аудиториями надолго лишили поэта возможности печататься. Он попал в черные списки. Его не печатали, не издавали, ни в каких творческих союзах он не состоял. Даже в «официальном» андеграунде места ему не нашлось. Ни с какими группами, течениями, направлениями связан не был. Почти всю свою жизнь провел в скитаниях, не имея «ни кола ни двора», писал «под заказ» для так называемых «литературных клиентов», иногда за ночлег, иногда за тарелку супа, позволял публиковать свои стихи под именами других поэтов. В советские годы изредка его стихи печатали в отраслевых и в региональных изданиях, но для рецензирования и упоминания в прессе имя его было запрещено. Выйти из подполья в перестройку у него уже не хватало сил. Но все-таки подборки с его стихами стали появляться в центральных изданиях. Вышли и книги: «Крест», «Люди и боги», «Стихи», «Летопись». Творчество Ю. Влодова не ограничивается диссидентскими либо сатирически-ироническими стихами, оно многопланово и разнообразно. Три основные темы его произведений: военная, портретно-историческая и библейская. В основном он работал в рамках классического рифмованного стиха. От увлечения молодых лет — модернизма — отошел, считая, что будущее за вечной, классической формой с небольшими поправками на время. Фирменный знак Влодова — краткость при емкости смыслов. «Портреты» — одна из трех главных книг Юрия Влодова. Герои его «Портретов» — цари, короли, завоеватели, полководцы, а также собраты по перу: поэты и писатели прошлого и даже литературные персонажи. В исторических персонажах поэта интересовали прежде всего личности, историю творившие. В коротких исторических зарисовках он достигает невероятного: создает емкий и многомерный психологический портрет своего героя, соответствующий духу эпохи, к которой обращается. Вот грозный Чингиз: «„Мне снились белолицые уроды... / Они тонули в собственной крови“... / А сам, зажмурясь, / думал о любви... / Гонец сказал: / у младшей будут роды...» Вот полная накала страстей трагедийная сцена убийства Иваном Грозным своего сына: «Ах, по головшке тугой — / Неслыханным жезлом!.. / И целый миг трясет ногой / И пучится козлом... / Ах, по головшке — жезлом!.. / С оттяжкой!.. Да сплеча!.. / И оплывает под углом / Истории свеча... / Иван сморкается в полу, / Дрожит, как Вечный Жид... / А русский Гамлет на полу / Расплющенный лежит». Вот Петр I, еще подросток, «живые мощи, — / Загривка нет. Ходули тощи», но «Он — фантазер! Он Русь-голубу / Рванет за потные меха! / И вывернет ее, как шубу, — / Так что посыплется труха!..» Или Екатерина II, порицаемая за безразличие к делам российским каким-то маршалом «царица-ерманка»: «Майн готт! И откуда морщины? / Хоть всех массажистов зови! / И нету на свете мужчины / Достойного женской любви! / Чтоб ноженьки выгнул босые!.. / Чтоб выдох-

нул: „Девка, молчи!“ / И сердце болит о России, / Но в это не верят врачи...» Поразительна галерея портретов поэтов, где Ю. Влодов опять-таки в емких и кратких стихах передает и дух эпохи, и стилистические особенности поэтики портретируемого, ткань его стиха и состояние души. «Пехотный пыльный понедельник. / Шальная пуля впереди. / Усталым сердцем бьется Терек / В Кавказа каменной груди. / Здесь воздух медленный, как песня. / А полдень тонкий, как свирель. / И сердцу больно, сердцу тесно / В ловушке проклятой своей!.. Он — демон. Враг Земного Бога. / Кто в смертной схватке победил?! / Не пощадит его эпоха! / И он ее не пощадит!.. / А под глазами — синесине.. / В больших зрачках — немой вопрос... / И вдалеке — она — Россия.../ Своя... немая до слез!» Ну разве можно не узнать Лермонтова? Или вот так, эпоха и поэт и человек: «Дежурной улыбкой лучится / С кого-то срисованный бог. / И мечется огненной птицей / За темными окнами Блок. / Он светлые видит аллеи.../ Он слышит волшебный рояль... / Воздушное платье алеет... / Пугливо взлетает вуаль...» И воскресший в звуковой основе Маяковский в драматический момент своей жизни: «Бензиновый конь копытами — прыг! / Стоп! — задрожал. Железно заржал. / Пять шажищ к телефону: „Квартира Брик? — / Уехала? Жаль“». Или вот так, пронзительно, о Николае Рубцове: «Что тоскуешь, русский человек, / Над воскресной свахой-заливахой? / Ты утрись-ка, русский человек / До пупа разодранной рубахой». И не случайны — как продолжение мысли — неизменные многоточия в конце строк. Достоевский, Толстой, Анненский, Ахматова, Есенин, Солженицын... Но больше всего стихотворений о Пушкине, который для Влодова — символ поэзии вообще и поэта в частности, и о Мандельштаме, с бытовой неустроенностью которого Влодов отождествлял свою судьбу, судьбу скитальца. Заключают книгу «полешутки» — едкие, язвительные, подчас жесткие мини-стихотворения о своих современниках, поэтах и писателях.

Ирина Чайковская. Классика XX—XXI веков. От Булгакова до Водолазкина. Книга статей и рецензий. М.: Академический проект, 2019. — 212 с.

Герои книги — гении Серебряного века: Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева, В. Маяковский, а также М. Булгаков, И. Бродский, Б. Окуджава и многие другие. Ирина Чайковская, писатель и драматург, главный редактор журнала «Чайка», рассматривает их творения и зигзаги судеб сквозь призму посвященных им работ. «Мне было интересно разбираться в том, как и что писали о них талантливые современные литературные критики — Дмитрий Быков, Андрей Арьев, Бенедикт Сарнов... Согласитесь, такая задача, словно взгляд через двойное зеркало, становится вдвойне привлекательной». И. Чайковская полемизирует с критиками, не соглашаясь с их интерпретацией произведений и событий, размышляет над вопросами, возникающими в ходе чтения, делает акценты на серьезные проблемы, поднятые авторами, и высказывает свой взгляд на эти проблемы. Так, отталкиваясь от книги Л. Яновской «Записки о Михаиле Булгакове», она размышляет о возможности воссоздания правдивой биографии писателя и его достоверных, очищенных от посторонних наслоений (цензурной правки, недобросовестной редактуры) текстов. И. Чайковская высоко оценивает уважительную книгу Яновской, полную любви и понимания по отношению к самому Булгакову и его гениальному творению «Мастер и Маргарита». И вслед за автором, опытным архивистом-текстологом, размышляет о трактовке булгаковских текстов; кем мог быть анонимный доносчик и осведомитель из ближнего окружения Булгакова и как это отразилось в романе «Мастер и Маргарита»; был ли Булгаков антисемитом; по какой причине третья жена Булгакова Елена Сергеевна не вызывает симпатии у булгаковедов. Догадки-«золотинки» в книге А. Демидовой «В ахматовских зеркалах», актрисы, про-

чувствовавшей вобравшую в себя жизнь Ахматовой «Поэму без героя» как свою, осознав ее своим дыханием, голосом, пластикой, всем существом. И. Чайковская дополняет своими догадками о героях, чьи смазанные силуэты отражаются в зеркалах поэмы. Попытками разгадать тайны личной жизни Ахматовой называет Чайковская книги А. Марченко и С. Коваленко об Ахматовой. Отдав должное авторским догадкам и прозрениям, связанным с расшифровкой ахматовских стихотворений и поисками их адресатов, отметив заслуги авторов, их крамольные мысли и гипотезы, в которые трудно поверить, Чайковская высказывает и свой взгляд на проблемы. Читателю предлагаются три версии — А. Марченко, С. Коваленко, И. Чайковской — некоторых сердечных тайн великой поэтессы. Был ли Гумилев главным мужчиной в ее жизни? В чем фатальная неудача брака Ахматовой и Гумилева? Каковы были истинные отношения Блока и Ахматовой, Ахматовой и Модильяни, Ахматовой и Л. Чуковской? Позитивную оценку получила книга А. Арьева о Г. Иванове, а вот построенную в обвинительном ключе книгу Б. Сарнова об А. Солженицыне Чайковская не приняла: слишком похожа она на методично собранное досье, где портрет Солженицына, писателя и человека, сформирован в рамках заданной автором схемы. Сегодняшнее литературное поле довольно уныло, на нем лишь редкие колоски съедобных злаков, считает Чайковская. И на безликом фоне выделяет фигуру Д. Быкова, яркого публициста, талантливого поэта, автора книг, вызывающих спорные, порой диаметрально противоположные отзывы. Нашумевшую книгу Быкова о Пастернаке, взрывающую традиционный канон ЖЗЛ, она приняла как книгу высокого класса, главное достоинство которой то, что она будит мысль. Безоговорочно и с восторгом восприняла быковские анализы стихов, но отметила перегруженность ненужными сведениями, композиционные просчеты. А вот две другие, о В. Маяковском и Б. Окуджаве — нет, не приняла, причины: перегруженность деталями, категорическая безапелляционность высказываний, произвольность и субъективность оценок, амбивалентность и противоречивость в рассуждениях. К ее удивлению, менее всего Быкову удалось анализы поэтических текстов Окуджавы, а на фоне имен, стихов, чужих судеб как-то теряется сам герой Булат. Маяковский и Лиля Брик — особая тема книги Чайковской: судьба Лили Брик интересовала ее с детства. Далеко выходя за рамки книги Быкова, но и опираясь на нее, размышляет она о треугольнике Осип Брик, Лиля, Маяковский. Подробно анализирует «Пристрастные рассказы» Лили Брик — ее записки, переслоенные письмами Маяковского. В эссе «Владимир Маяковский и Лиля Брик: сходство несходного» пишет о том, что их сближало и что разделяло. Погружаясь в многотомные воспоминания, дневники, переписку героев своей книги, Чайковская из разнородной мозаики воссоздает объемные портреты М. Цветаевой и ее детей Георгия и Ариадны, прочерчивает линию их судеб. Не только книги, но и фильмы будят мысль, уводя далеко от содержания самого фильма. Так, фильм «Ты сын и ужас мой» стал поводом для размышлений о трудных отношениях Ахматовой и Л. Гумилева. О сходстве-несходстве судеб двух сестер Марины и Анастасии Цветаевых заставил задуматься фильм «Мне девяносто лет. Еще легка походка». Искать акценты в облике «человека в плаще» побудили фильмы, вышедшие к 75-летию Иосифа Бродского. Разгадку отношения С. Довлатова к женщинам Чайковская нашла после просмотра фильма «Жизнь нелегка. Ваш Сергей» и сопоставления его с повестью «Филиал». Неожиданным в этой книге выглядит обращение к книге «Авиатор» Е. Водолазкина, в чьих книгах автор увидела нечто новое, связанное с древнерусской темой, хотя чрезмерное увлечение физиологическими подробностями и отвращает от книги. Эрудированный автор, Чайковская не только всегда указывает на значимые неточности в текстах и в комментариях, делает свои поправки к ним, но и привносит много нового в отечественное литературоведение. Многие ее работы, включенные в книгу, ранее печатались в журнале «Нева».

Людмила Сукина. Жены русских государей. СПб.: Питер, 2018. — 288 с.: ил. — (Серия «Романтические страницы русской истории»).

Искусствовед Людмила Сукина рассказывает, как в Московской Руси XIV—XVII веков девушки из знатных и не очень знатных семей становились великими княгинями и царицами, как жили женщины, оказавшиеся в гуще политических событий, дворцовых интриг, столкновений интересов противоборствующих группировок. Судьба каждой из них — увлекательная драма, а часто и трагедия шекспировского масштаба, затмевающая воображаемые приключения. Рассказ начинается с биографии великой княгини Евдокии Дмитриевны — жены Дмитрия Донского — и заканчивается историей первой супруги Петра Великого Евдокии Федоровны Лопухиной. Двух Евдокий разделяют жизнеописания почти трех десятков женщин. Автор обращается и к бытовой стороне жизни своих героинь, по возможности реконструирует их внешний облик, подробно излагает их родословную. Первые русские государыни выходили замуж в результате договоренностей между их отцами и будущими мужьями. Это были союзы не любовные, а политические, где женщины служили залогом прочности отношений великокняжеских домов. Права жен великих князей обеспечивались тем, что они были «ровнями» супругам, принадлежа к другим великокняжеским династиям Руси и Литвы. Супруга Дмитрия Донского — из династии суздальских князей, основателем которой был младший брат Александра Невского. Софья Витовтовна, жена Василия I, сына Дмитрия Донского, приходилась внучкой прославленному литовскому князю Кейстуту. Жена Василия II — Мария Ярославна, внучка знаменитого героя Куликовской битвы, серпуховского князя Владимира Андреевича, прозванного Храбрым, как и две ее предшественницы, была наделена талантом государыни. С сокращением количества, а потом и при полном исчезновении других великокняжеских домов православных невест стали искать среди представительниц русских знатных и дворянских родов. Новые царицы XVI—XVII веков уже имели меньшие права, могли влиять на государственные дела только благодаря особой привязанности мужа. Но во все времена от женщин требовалось еще одно качество — плодовитость. Жизнь государынь отнюдь не была благодатной сказкой. Им приходилось ожидать мужей из военных походов, бежать из осажденной Москвы, попадать в заточение, спасаться от пожаров и моровой язвы, бороться за престол для своих детей со стремящимися к престолу великокняжескими или царскими родственниками и поддерживающей их знатью. Первой регентшей при малолетнем сыне стала вдова Дмитрия Донского. Именно при нем впервые был нарушен вековой порядок наследования княжеского стола старшим мужчиной в роду, свой престол он завещал сыну, беречь который мог доверить только своей жене. С девятилетним сыном Василием на руках осталась вдовой Софья Витовтовна, но сумела сохранить княжеский стол за сыном. Ее ждала бурная старость, против ее сына Василия II, уже вступившего во княжение, выступил Юрий Звенигородский, ослепленный противниками Василий II все-таки остался властелином земли Русской. Некоторое время и мать Василия II, и его беременная четвертым ребенком жена провели в заточении. Великая интриганка, вторая супруга Ивана III византийская принцесса Софья Палеолог сумела, расчищая путь к престолу своему сыну, переиграть жену первого сына Ивана III, умершего при жизни отца, Елену Волошанку и ее сына. Черты Софьи: большие миндалевидные глаза под тяжелыми веками и крупный «греческий нос» — отчетливо проступают в облике ее сына Василия III и внука Ивана Грозного. Не от нее ли и характер Ивана Грозного? Совершив политический переворот, стала регентшей при сыне, будущем Иване Грозном, вторая жена Василия III великая княгиня Елена Глинская. Бороться за престол для своего сына, десятилетнего Петра, пришлось и молодой вдове Алексея Михайловича Ната-

лье Кирилловне Нарышкиной. В борьбе за сохранение престола для своих детей женщины не раз выступали как жесткие и жестокие правительницы. Но и жили они в постоянной опасности. Могли погибнуть от яда, подсыпанного конкурентами или завистниками. До сих пор неизвестно, кем и как была отравлена первая супруга Ивана III, дочь тверского князя Мария Борисовна. Была ли отравлена Елена Глинская, или ртуть в ее останках связана с употреблением лекарств и косметики, где использовалась сулема. Они могли стать жертвами «чародейства и колдовства», как Марфа Собакина, третья жена Ивана Грозного, скончавшаяся сразу после венчания. О накале страстей при дворе свидетельствуют судьбы двух «царских невест», Михаила Романова и его сына Алексея. Обе были избраны по душевному влечению властелинами на «смотре» (обычай, введенный Софьей Палеолог), но нареченная Михаила Мария Хлопова заболела, переев сладостей, а нареченной Алексея Ефимии Всеволожской так затянули волосы и голову тугим венцом, что ей стало плохо. Обоих объявили больными и вместе с родственниками сослали в места отдаленные. Оба царя долго не хотели жениться. В историях о женах русских государей не раз находится место и для любви. Печальным исходом для царских жен мог стать постриг в монахини, иногда насильственный. На беспрецедентный шаг — развестись и жениться на другой — решился Василий III, отправив в монастырь бездетную Соломонию Сабурову, с которой прожил в браке двадцать лет. Предпочла власти монастырь Ирина Годунова, любимая и любящая жена Федора Иоанновича. В монастыре, долго не принимая постриг, нашла спасение Мария Буйносова-Ростовская, жена Василия Шуйского, царица Смутного времени. Трагичны судьбы и других цариц Смутного времени: жены Бориса Годунова, Марии Григорьевны Скуратовой-Бельской, авантюристки Марины Мнишек. Последняя героиня очерков, Евдокия Лопухина, первая супруга Петра I, у которой не было «ни ума, ни характера», также оказалась в монастыре. А вот жены сводных братьев Петра I, Федора Алексеевича и Ивана Алексеевича, мудрые и прозорливые, сумели наладить отношения с Петром и остались в кремлевских покоях, а затем и переехали в Санкт-Петербург. Дочь Прасковьи Федоровны Салтыковой, Анна Иоанновна, станет русской императрицей. История женщин у власти в изложении Л. Сукиной — это неотъемлемая часть государственной и политической истории России, в которой есть место и большим свершениям, и дворцовым страстям, и любви, и даже загадочным эпизодам. Так, пропавший на свадьбе Евдокии и Дмитрия Донского пояс стал поводом последней в истории Руси междоусобицы, продлившейся тридцать лет, а жемчужное саженье, принадлежавшее первой жене Ивана III, чуть не расстроило семейную жизнь Палеологини.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)